

I

Почти все этимологи, занимавшиеся происхождением слав **jьskra*, за исключением, пожалуй, одного лишь В Махека, усматривали в нем ономаσιологическое акцентирование признака светимости, яркости летящей частицы раскаленного или горящего вещества. Отсюда — естественное стремление связать это слово с польск., в -луж. *jaskrawy*, блр. *яскравы*, укр. *яскравий* 'яркий' (< **ěskr-*) — констатация апофонии *ě* (< *oi*)' *ь* (< *Ń*), а далее, через выявление чередования -*r*-/*n*- суффиксальных, — с рус. *ясный* и его соответствиями в других славянских языках (< **ěskn-*). Находимые индоевропейские связи этого славянского этимологического гнезда принадлежат тому же семантическому полю 'гореть, пылать', 'жар', 'светлый', 'ясный'.. (см. ЭССЯ 6, 52; 8, 240)

Очевидная, по словам О Н Трубачева (ЭССЯ 6, 52), смысловая связь между **jьskra*, **ěskravьjь* и **ěsknь(jь)* и блеск их на редкость изящных фонетических соотношений несколько затмевают допустимость иной ономаσιологической, а тем самым и этимологической, интерпретации слав **jьskra*.

Возможность иной этимологизации обнаруживается ввиду отмечаемого у слова *искра* и его диалектных производных и параллелей в русском языке ряда особых значений урал *искра* 'ограниченный самой простой гранью мелкий драгоценный камень или стекло для вставки в кольцо, браслет, брошь и под', *искорка* 'у гранильщиков и гравиров — мелкий драгоценный камень или осколок' и т.п. (Филин 12, 220, 222), урал *искринка*, "уменьш-ласк к *искра*", то же — с примечанием "у гранильщиков" (там же, 223); ср. в русском памятнике XVII в. *искра*, *искора* 'драгоценный небольшого размера камень; блеска из такого камня'. "А товару съ ними.. восемьдесят три искоры яхонтовыхъ яхонтъ лазоревой" АИ V, 421 1694 г (СлРЯ XI—XVII вв 6, 260) Эти значения воспринимаются как вторичные, метафорические переносы названия искры на блестящие крупницы нераскаленного вещества, ср. далекое толкование: "яркая, блестящая крошка, крупинка чего-л., особ стекла или дорогого камня" Но наряду с подобными значениями отмечаются и такие, где признак яркости, блеска обозначаемого предмета не является семантически выделенным или даже вовсе отсутствует: моск *искрина* 'соринка' (Филин 12, 223. "Искрина попала в глаз"), свердл *искирь* м 2 'щепа, кусок коры' (там же, 215 "Искирь от лесины отлетел"), твер, яросл, костром, иван. *искирёк* 'мелкий кусок, осколок чего-л' (там же "Во какой искирек отколола", "Стакан разбился на мелкие искирьки", "Искирек только у меня от этого зуба остался"), яросл *искирёк* 'маленький кусочек, осколочек стекла, посуды, хлебного изделия' (Мельниченко, 82), твер. *искарёк* 'мелкий кусочек чего-л разбитого,

осколок' (Филин 12, 213) Привлекая сюда слова *úskirь*, *iskirèk*, *iskarèk*, для чего есть формальные основания в виде существования образований типа новг *úskorь* 'искра' (там же, 220), мы сближаем с гнездом **jьskr-* и лексемы *выскирь*, *выскорь* и проч (см Филин 6, 20—23) с преобладающими значениями 'клок, лоскут', 'метка на ухе животного', 'вывороченное с корнем дерево' и под (те 'нечто оторванное, выданное, вырезанное', с влд *вúskорица* 'бойкая, разбитная женщина' ср семантически параллельные рус *оторва* и блр диал (мстислав) *аскóлак* 'задзіра, балаўнік' "У яго хлопці росьцець асколык Асколык дзяўчонка, бываей любога хлыпца" — Юрчанка, 40), а тем самым отделяем их как от *корень*, так и непосредственно от *скородить* (ср Фасмер I, 370—371)

Трудно принять данное в СлРЯ XI—XVII вв (6, 262) толкование слова *искринка* — "ласкат к *искра* (в знач 2)" (те 'мелкая сверкающая, выделяющаяся частица'), — иллюстрируемого примером из Таможенных книг Тихвинского монастыря. "Купил Тарас Терентиев мерин рыжь грива наливо, лысина во лбу, в глазу искринка, $\frac{3}{4}$ лть". столь явный поэтизм сомнителен в коммерческих бумагах, скорее всего здесь имеется в виду небольшое бельмо или какое-либо инородное включение в роговице глаза, а само слово является коневодческим термином, входящим в лексико-семантическую рубрику "физические пороки лошадей"

Существование в алб *iskra* (артикулированная определенная форма; неопределенная форма — *iskër*) f, заимствованном из южнославянских языков, двух значений — 'искра' и 'маленький кусочек' является, по-видимому, не результатом собственно албанских семантических процессов, а отражением семантической структуры слова-прототипа в языке — источнике заимствования, т. е. свидетельством наличия в южнославянских продолжениях прасл **jьskra* значения 'частица, осколок'

Можно предположить, что значение 'осколок, отлетевшая частица' у слова **jьskra* было первичным и лишь впоследствии осложнилось добавочным семантическим элементом 'раскаленный, вылетевший из огня.' (— 'яркий, сверкающий'). Хотя в большинстве славянских языков у континуантов праслав **jьskra* сохраняется только значение 'горящая, сверкающая частица', высказанное предположение кажется вполне правомерным

Во первых, семантическое развитие 'осколок' — 'искра', на наш взгляд, является более естественным и вероятным, нежели обратное, т. е. 'искра' — 'осколок', 'щепка, кусок коры', 'соринка' и т. п., в котором предполагается утрата слишком "сильного", слишком (и прямо и фигурально) яркого компонента семантики слова, хотя это и не исключено, о чем как будто свидетельствуют отношения между словами *луч* и *лучина*

Во-вторых, предполагаемое нами семантическое изменение в **jьskra* может быть верифицировано типологически сходными случаями, как славянскими, так и внеславянскими Из первых укажем, например, на рус (диал) *треска́* 'гарь железная, брызг, искра, блестя, окалина отковки' (Даль² IV, 429) при рус (диал)

треска́ 'щепка, лучина, тонкая дранка', псков *трѣска*, чаще мн *трѣски* 'щепы, древесные осколки', укр *тріска́*, болг *треска́* 'щепка', с-хорв *трѣска* 'стружка, щепка; осколок (кости)', чеш *tříška* 'заноза', мн *tříšky* 'щепки, стружки', в-луж *třěška* 'щепка, осколок', польск *trzaska* 'щепка' и др., связанных с **trěskъ*, **trěskati* (Фасмер IV, 100), или на влад., новгор *úверье* 'искры' при олон *úверье* 'щепки' (Филин 12, 59), ср также продолжения слав **ъверь* в современных славянских языках в значениях 'осколок, кусок, обрубок', 'щепка, лучина, стружка', 'черепок', 'лоскут' (волог и др *úверень* — Филин 12, 58) 'кусочек мяса, вырванный с поверхности тела' (вятск *веренёк* — Васнецов, 28), 'комочек земли, вылетающий из-под копыт скачущей лошади' (укр диал *úверень* — Гринченко II, 149), 'щербина, трещина' (сарат *úверень*) и др.² Из неславянских параллелей может быть привлечено лат *scintilla* 'искра' в связи с *scindo*, -*ere* 'раздирать, разрывать, раскалывать', *scandula* 'гонт, кровельная дранка' и др.

Сюда же, в сущности, как номинация, опирающаяся на тот же образ искры — прежде всего отлетевшей частицы, относится, например, и осет *st'ælfæn*, дигор также *æst'ælfæn*, 'искра', объясняемое как производное от глагола *st'ælfyn* 'отскакивать', буквально "отскок" (Абаев III, 162—163). С семантической стороны осетинский пример максимально близок версии В Махека, выдвигаемой для объяснения слав **ъskra* последнее слово этимологизируется им как девербатив, родственный лит *iškrieti, iškristi* 'вылететь, улететь', подобно чеш *paprsek* 'луч', производному от глагола *prskati* 'рассыпать, испускать (искры)', и англ *spark* 'искра', объясняемому наряду с лат *spargō*, -*ere* 'рассыпать, брызгать' из и-е **sperg-* (Machek², 227, 433).

Не слишком трудно, по-видимому, разыскать примеры аналогичного семантического развития и в неиндоевропейских языках. Ограничимся последними картвельскими находками др-груз *na-berçq-/al-* 'искра, молния, чанск *no-pinçk-al-e* 'осколок, искра' также чанск. *ginçkil-* 'частица', *pencka-* 'отщеп', объясняются Г А Климовым из общекартвельской глагольной основы *perçq-/prçq-* 'трескать(ся)' в конце концов звукоподражательного характера, чанск *тçқа-* 'искра' — из ее именного коррелята **prçka-* 'осколок, косточка'³.

Таким образом, представляется, что есть достаточные основания для того, чтобы рассматривать слав **ъskra* как принадлежащее гнезду и-е *(*s*)*ker-* 'резать, отделять' — с первоначальным значением 'осколок' или, может быть, если учитывать хорошо просматривающуюся связь указанной индоевропейской основы с терминами обработки дерева⁴, 'древесный осколок, щепка'. Девербативный характер номинации подчеркивается семантикой ударного префикса **ъz-* (возможно, в "урезанном" варианте **ъz-*³, как в упомянутом выше параллельном **ъz-verb* по объяснению О Н Трубачева). Тем самым возникает допустимость формального сближения **ъskra* и **ъzkrъ* (**ъzkrънь(ъ)*), которое, по одной из трактовок (см ЭССЯ 9, 38), с реконструкцией семантического развития 'близко' — 'в обрыз, вровень, впритык', относится к продолжениям и-е **ker-/kr-* 'резать'

II

В заглавии статьи определение "рус" при слове *искромётный* не случайно, несмотря на наличие сходных образований в иных славянских языках

Сложное прилагательное *искрометный*, употребляемое в современном языке в основном переносно, применительно к вину и особой разновидности блестящего и безудержного юмора, явно принадлежит книжному ("поэтическому") пласту русской лексики, что и свидетельствуется стилистическими пометами в словарях. То же можно сказать и об укр *іскрометний*, болг *искрометен*, которые, вероятно, являются заимствованиями из русского языка (в отличие, скажем, от чеш *jiskromet* 'искрообразователь', словообразовательно параллельного термину *jiskrojet* 'искроуловитель')

Между тем у русского книжного слова есть "родственники" в диалектном языке — имена существительные смол *искромётина* 'искра, занесенная куда-либо ветром' (Филин 12, 223 "Попаля искрометина на соломенную крышу — во и зашумела"), твер *искромётка* 'лучина для растопки' (там же, Даль² II, 51) Тверской пример в словаре В И Даля комментируется следующим примечанием "ошибч по произнш *аскрометка*"

Однако именно эта "ошибочная" форма стоит ближе прочих к источнику и показывает, что заглавное прилагательное представляет собою результат трансэтимологизации — втягивания его первоначально простой основы в круг производных от глагола *метать* и словообразовательного усложнения. Судить так позволяет осуществленная И П Петлевой идентификация славянских континуантов и -е **(s)kre-m-* (расширенный с помощью детерминатива *-m-* и -е корень **(s)ker-* 'резать'), среди которых обращают на себя внимание псков, (твер *шкромётка* 'черепок', укр диал *шкромітки* 'мелкие обрезки и обломки меди, остающиеся при выделке различных медных вещей' и особенно новг *оскромётки* 'щепка', *оскромётки* 'куски льдин'⁶). С вышеприведенными "сложными" образованиями эти слова объединяются и территориальным соседством для русских слов это запад великорусского этноязыкового пространства (смоленско-псковско-новгородско-тверской ареал)

Таким образом, вост-слав **оскрометок/оскрометка* 'осколок, щепка', еще на ступени внелитературного, диалектного существования испытывавшее переосмысление, фонетическую подгонку и словообразовательное усложнение, было затем в виде производного прилагательного *искрометный* воспринято книжным языком, где закрепилось во вторичной ("поэтической") семантической функции

Фиксируемое в новосибирских говорах слово *искропóдки* 'пыль, грязь, снег, вылетающие из-под копыт бегущей лошади' (Филин 12, 223, Новосибир словарь, 204), семантически тождественное укр диал *іверень* (см предыдущий этюд), должно объясниться, по всей видимости, как далекое продолжение и-е **(s)ker-p-*, наряду со слав **čerpiti*, **čьrpati* 'черпать' — ср лит *kerpi*, *kirpti* 'стричь, резать', лат *carpō*, *-ere* 'дергать, щипать, рвать' (ЭССЯ 4, 71—72,

158—159) Суффиксальное оформление в слове *искропод(ки)* вполне параллельно структуре слова *искромет(ка)*, а появление -д- в диалектологической записи может быть объяснено фонологической (и отсюда графической) гиперкоррекцией

Примечания

- ¹ См. Десницкая А В Славянские заимствования в албанском языке М, 1963, 14, БЕР II, св IX—X, 88 (с опечаткой? "алб *ikrër, -ra*")
- ² Об этимологии слав **ъvъrъ* см. Трубачев О Н Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1970 М, 1972, 18, Он же Об одной редкой словообразовательной модели // Русское и славянское языкознание К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р И Аванесова М, 1972, 257—260, ЭССЯ 8, 250—251
- ³ См. Климов Г А Дополнения к "Этимологическому словарю картвельских языков" II Этимология 1983 М, 1985, 173
- ⁴ Ср. Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Ве Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры Тбилиси, 1984, Т II 706—707 (**sk^her-*, согласно реконструкции, основания которой развиваются в этой работе)
- ⁵ См. Трубачев О Н Об одной редкой словообразовательной модели
- ⁶ Петалева И П Этимологические заметки по славянской лексике IV (и-е **(s)ker-m-* в славянских языках **skormъ/a*, **kroma*, **kyrъ/a*, **kyrma*, *xromъ*, русск диал. *кромы*, *коромышка*) // Этимология 1974 М, 1976, 22

Э.П. Хэмп*

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ, вып. 12

**kovačъ*

Для этой важной лексемы здесь представлены ценные свидетельства, и ее общеславянский и праславянский статус хорошо показан. Может быть обозначено также место ударения **kov'áčъ*. Образованное продуктивным способом **kováčъ* представляется либо более поздним, либо описательным новообразованием, какие всегда имеются в наличии на диалектном уровне. Распределение формы **kov'áčъ* определенно предполагает известную модель, заимствованную из германского, в котором этот суффикс происходит из латыни

**kovъ* ἐπιβουλῆ

Мои замечания об этом этимоне см. в IF 66, 1961, с. 22

* *kqda etc*

Образование форм **kqđá*, **kqđě* и **kqđy* имеет точную параллель в образовании **kvdā* < **ku-dhō/ā* (← **-d-*), **todā* (← **to-dhō/ā* ← **-d-*) → **tdā* → **tdě* и западнославянских **kъdy*, **tdy*, которые я проанализи-